



Наша беседа с Николаем Караченцовым состоялась в один из съемочных дней картины Владимира Бортко "Цирк сгорел, и клоуны разбежались", в котором актер исполнил главную роль. Безнадежно заблудившись в кафкианских лабиринтах киностудии, я внезапно оказался в условленном месте. То ли догадавшись о выпавших на мою долю невзгодах, то ли просто из врожденной учтивости, актер немедленно попросил одну из дам принести для меня чашку горячего кофе. После этого голос, охарактеризованный американскими критиками как "приятный лирический баритон", произнес: "Ну, что же — теперь я весь ваш."

**— Из наших телефонных переговоров мне показалось, что эта роль как-то по особенному важна для вас. Так ли это?**

— Говорить, что одна роль важнее другой — непрофессионально. Для актера второстепенных ролей не бывает. А с этой картиной вообще все непросто. "Цирк сгорел..." — фильм о том, что происходит сегодня, о нынешнем времени. Как и всякое другое время, оно исторически необходимо. Однако это не мешает ему быть уродливым. В картине мы пытаемся говорить о той боли, которую ощущают люди.

**— Сценарий в этой картине писался специально для вас, героя фильма — кинорежиссера — даже зовут Николай. При всем при этом нельзя сказать, что эта роль похожа на ваши предыдущие работы. Можно ли в этой картине усмотреть заявку на будущее?**

— Дело в том, что я никогда не старался создать тип героя, которого, скажем так, — всегда играет Караченцов. Мне бы хотелось, чтобы каждая моя роль не была похожа на предыдущую. Не знаю, правда, насколько это получается.

Что касается этой картины, то мой персонаж — это, скорее всего, постаревший герой "Старшего сына", не желающий в наше не очень сладкое время расставаться со своими принципами, главные из которых — доброта, верность. Я никогда не стремился к тому, чтобы суммировать все свои роли в одной. Просто направление может быть разным, вверх, вниз, вширь.

**— Может быть, это и является своеобразной заявкой?**

— Да, конечно. Впрочем, играть более разнообразно, более

## Николай Караченцов: "Направление полета — вглубь"

глубоко хочет каждый артист. Я в этом уверен. Неужели вы думаете, что раньше я отказывался от подобного рода ролей: нет мне этого не надо, а надо бы попрыгать, поскакать, да песни попеть. Нет. Другое дело, что я был другой — мы все меняемся. Время было иное или меня интересовало что-то другое. Было интересно развиваться в самые разные стороны, я не говорю о всеядности, но именно о расширении диапазона. Мне очень приятно осознавать, что в самом начале моей киношной карьеры была серьезная картина "Старший сын", а рядом с ней появилась "Собака на сене" — то есть, я с самого начала заявил себя в двух совершенно разных направлениях. Никому неинтересно, если у актера меняются имена, меняются костюмы, но сам при этом он остается тем же самым. Хотя такое, к сожалению, случается. Кино, извините за жаргонное словечко, нас часто пользуется. Это, не театр, где постоянное количество актеров, и мы все играем самое разное, но своего рода штаб, где режиссер может выбирать. Вот и получается, что "у нас на эти роли — вот этот актер, на эти — тот" и так далее. Как бы здесь хотелось перетасовать карты!

**— В этом фильме чувствуется некоторая усталость, если не сказать, обида режиссера на тяготы жизни в искусстве, на то, как используют творца. Насколько вы солидарны с такой позицией? Или, быть может, вы смотрите на вещи более отстраненно?**

Я чувствую в этом фильме своеобразную гиперболу, преувеличение реально существующей ситуации. Поскольку опасность такого рода существует, в фильме это сознательно укрупнено. Впрочем, не такое уж это преувеличение — я включаю телевизор, вижу своих коллег в самых разных обличьях: политических деятелей, общественных деятелей, и иногда, да простит меня Господь, начинаю сомневаться, что это искренне. Не верю, что это крик души: "Не могу не сказать!". Скорее это опять, извините за жаргон, желание засветиться:

люди простаивают годами, неизвестно, когда у них появятся деньги, когда они смогут снимать, вот и начинает человек напоминать о себе различными способами, возможно, не без одолжения тем людям, которые его ангажируют. Не хочу никого обидеть, однако такое бывает. И думаешь: я тебя давно не видел, но лучше бы ты грыз очередной сценарий, работал бы над новой ролью. Нет, они не слезают с экранов совсем по другим поводам, в совсем другом качестве, пополняя армию дилетантов, которых и так достаточно и в Думе, и в правительстве.

**— В фильме ваш герой сталкивается с персонажем, который во время их первой встречи, будучи вдребезги пьян, без конца протягивает визитку и машинально представляется: «Якутзолото». Вы наверняка сталкивались с подобными персонажами в жизни, вам легко с ними общаться?**

— Начнем, с того, что это очень разные люди. Разной культуры и воспитания. Среди них есть те, которых я уважаю за первопродводство, но есть и те, кого я презираю, потому что они жулики. Однако я человек контактный и не испытываю особого дискомфорта от встречи с последними — в силу моей профессии иногда таких встреч невозможно избежать, хотя радости я от них не испытываю.

**— Вы очень много сделали для того, чтобы эта картина была завершена. Под вашей эгидой проходили даже некие акции в Петербурге. Расскажите немного об этом.**

— Любое кино зависит от денег вкладчиков. Государство финансирует культуру по остаточному принципу. Поэтому бедным артистам и режиссерам приходится бегать и собирать деньги, чем собственно мы и занимались. Сначала картина финансировалась Госкино, однако деньги кончились, и нам пришлось обратиться к другим людям, в частности из «НТВ-ПРОФИТ», которым мы очень благодарны.

**— Получилось, что вы занимались по собственному почину примерно тем же самым, чем занимается ваш герой на протяжении всего фильма?**

— Ну, в общем, да.

**— Так о чем же, по вашему, фильм?**

— О человеческом достоинстве.

Беседовал Илья КУХАРЕНКО

● Мария Шукшина и Николай Караченцов в фильме "Цирк сгорел, и клоуны разбежались"

Экран и сцена —